

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Г. В. КРЕТИНИН

СТЕРЕОТИПЫ В ОЦЕНКЕ ГУМБИННЕНСКОЙ ОПЕРАЦИИ 3-ГО БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА

Исследуются особенности разработки подходов к изучению истории Гумбинненского сражения осенью 1944 г. в зарубежной и отечественной историографии. Сообщается о субъективной трактовке хода сражения, произвольного завышения потерь советских войск в боевой технике немецкими авторами. На основе вновь выявленных архивных документов осуществлен подсчет потерь танков в войсках 3-го Белорусского фронта.

Ключевые слова: Восточная Пруссия, 3-й Белорусский фронт, вторжение, фронтовая операция, Гумбиннен, потери танков, армия, танковый корпус, контратаки, окружение.

Операция по вторжению Красной армии в Восточную Пруссию прошла с 16 по 27 октября 1944 г. В ходе ее войска 3-го Белорусского фронта, прорвав полевую оборону немцев на территории Литвы в непосредственной близости от границы Восточной Пруссии, преодолели вслед за этим мощную линию долговременных железобетонных сооружений противника, возведенных вдоль границы, вторглись на территорию Германии и, развивая наступление, овладели городами Ширвиндт, Эйдткунен, Шталлупёнен и вышли на подступы к Гумбиннену¹.

© Кретинин Г. В., 2014

¹ Строго говоря, первыми пересекли государственную границу с Германией войска 39-й армии 3-го Белорусского 10 октября 1944 г. западнее литовского городка Юрбаркас [1, л.88—99]. Этот и другие тактические успехи проникновения на вражескую территорию, при всей их важности, не получили должной известности, что вполне оправданно: считалось, что эта территория принадлежала Литве (так называемый Мемельский, впоследствии Клайпедский край), а в 1939 г. была оккупирована Германией.

Гумбинненская операция имела важнейшее политическое значение для воюющих сторон, так как советские войска смогли вступить на землю агрессора, а немецкие войска воочию убедились в близости неотвратимого возмездия за то, что они совершили на территории СССР. Война возвратилась туда, откуда она 22 июня 1941 г. началась.

Однако, несмотря на политическое обстоятельство, история фронтовой операции в зарубежной литературе излагается, как правило, фрагментарно, схематично. В частности, Б. Лиддел Гарт сообщает об этих боях несколькими предложениями. Вначале: «Войска Черняховского заняли Каунас, столицу Литвы, и, продолжая развивать наступление, подошли к границам Восточной Пруссии со стороны Инстербурга» [2, с. 547]. Затем: «Вторая неделя августа ознаменовалась упорными боями во многих районах. Немцы отчаянно контратаковали, русские старались найти возможности возобновить наступление, однако ни одной из сторон не удалось добиться сколько-нибудь значительных результатов» [там же, с. 549]. И заканчивает: «Очистив от противника районы Прибалтики, русские начали активные действия в Восточной Пруссии, перейдя в наступление в середине октября. Оборона, однако, выдержала удар на узком фронте, где пути подхода наступающих ограничивали многочисленные озера и болота» [там же, с. 552].

Более развернутую характеристику дают польские историки, подчеркивающие значимость вторжения советских войск в Восточную Пруссию в октябре 1944 г., но свои исследования они часто проводят упрощенно, в их основу закладываются известные мемуарные труды, прежде всего советских военачальников. В конце 80-х гг. XX в. Т. Савицкий [3] подготовил научную работу такого рода, а затем ее материалы и мемуары А. М. Василевского, К. Н. Галицкого, И. Х. Баграмяна и других советских генералов были использованы Т. Гайовником и Е. Мароном уже в 2010 г. при написании очерка о первых боях советских войск в Восточной Пруссии [4, S. 270—272].

Естественно, более полным является исследование участников Гумбинненского сражения с немецкой стороны К. Диккерта и Х. Гроссмана «Битва за Восточную Пруссию», увидевшее свет в 1960 г. [5]. Долгое время идет дискуссия: книга написана только на мемуарной основе, или все же при работе над ней были использованы немецкие источники?

Определенную лепту в формирование такого противоречия внес Г. Гудерман. Немецкий военачальник при подготовке мемуаров (из-

данных еще в 1951 г.) указывал: «Наши архивы в основном уничтожены или попали в руки противников. Это обстоятельство сильно затрудняет исторически правдивое освещение прошедших событий. Тем большее значение приобретают личные воспоминания участников войны, даже если эти воспоминания касаются лишь отдельных эпизодов и носят преимущественно субъективный характер» [цит. по: 6, с. 8].

Применительно к операциям в Восточной Пруссии в 1944—1945 гг. Гудериан во многом прав. Но его правота относится именно к заключительным боям в немецкой провинции (штурм Кёнигсберга и Пиллау, ликвидация Хайльсбергской группировки немецких войск, бои на косе Фришинг). В целом же немецкое командование могло сохранить документы того времени. Другое дело, что в первые годы после войны, когда и писались немецкие мемуары, доступ к таким документам по ряду причин был ограничен. Впрочем, как сообщали еще советские исследователи А. Мерцалов и О. Ржешевский, немецкие «первопроходцы» (В. Гальдер, Г. Гудериан, Х. Мантейфель и многие другие) имели возможность работать с документами, ставшими трофеями армий западных союзников. Их деятельность была организована по заданию и в интересах стран формирующегося блока НАТО. Результаты таких исследований по естественным причинам широкого распространения не получили. Однако вскоре после освобождения немецких генералов из мест заключения им была предоставлена возможность публиковать свои «наработки» в рамках дозволенного. Здесь-то и пригодился метод «использования воспоминаний непосредственных участников» событий [7, с. 20—22; 8, с. 37]. Гудериан заранее обращает внимание на то, что эти воспоминания носят «субъективный», следовательно, не всегда точный характер.

В 1965 г., при подготовке очередного переиздания книги, Х. Гроссман в предисловии, по сути, «повторил» слова Гудериана: «Поскольку все официальные бумаги, журналы военных действий, документы и оперативные карты либо уничтожались, либо попадали в руки врага, вполне вероятно, что некоторые места настоящей книги, на сегодняшний день, могут нуждаться в уточнении» [5, S. 7]. Однако его заявление весьма противоречиво, ибо в подзаголовке книги, неизменном с первого издания, сообщалось, что издание подготовлено с использованием обширной документальной базы (umfassende Dokumentarbericht).

Действительно, при написании книги, Диккерт и Гроссман основное внимание уделили сбору свидетельств очевидцев. Но, судя по тексту, им пришлось обращаться и к документам. Остается только сожалеть, что ссылки на них не приведены в тексте. Это значительно бы повысило репрезентативность исследования.

Долгое время история Гумбинненской операции 3-го Белорусского фронта не привлекала внимания российских историков. Только в канун двадцатилетия Победы в «Военно-историческом журнале» появились первые документы с комментариями о событиях осени 1944 г. в Восточной Пруссии [9, с. 119—122]. Особую роль в историографии Гумбинненской операции сыграл военно-научный труд К. Н. Галицкого, командующего 11-й гвардейской армией, опубликованный в 1970 г. [10]. В нем были изложены не только особенности боевых действий гвардейцев во фронтовой операции, но и взаимодействия с соседями — 5, 28, 31, 39-й армиями.

Затем последовала пауза в исследованиях, прерываемая мемуарами участников Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., принявшими участие в Гумбинненском сражении [см., напр.: 11, с. 81—102]². В официальных изданиях этой теме должного внимания просто не уделялось. Отсутствие же серьезных научных работ стало причиной того, что значение операции к исходу XX в. нивелировалось, появилось ее второе название — Гумбиннен-Голдапская операция.

Дело в том, что первоначально операция называлась Гумбинненская по имени города, находившегося на острие фронтового удара и располагавшегося территориально в центре фронтовой полосы наступления. Голдап располагался значительно южнее направления главного удара 3-го Белорусского фронта, на стыке флангов 11-й гвардейской и 31-й армий. Прикрытый с запада крупным лесным массивом, в оперативном отношении город не играл такой роли, как Гумбиннен. К концу операции Голдап был взят советскими войсками, а в начале ноября 1944 г. во многом из-за несогласованности действий командования обеих армий немцам удалось отбить город.

В историографии сохранилась высказанная в свое время маршалом Василевским негативная оценка Гумбинненской операции [цит.

---

² Следует отметить, что генерал Григоренко использовал в мемуарах еще и фронтовое название этой операции — «первая Восточно-Прусская наступательная операция» [11, с. 103].

по: 12, с. 36]. В том числе и с учетом данного обстоятельства сформировалась необходимость «закамуфлировать» название неудачной операции. Так появилась Гумбиннен-Голдапская операция [см., напр.: 13, с. 316], причем самостоятельную фронттовую операцию стали считать частью Прибалтийской стратегической наступательной операции [см.: 14, с. 2].

Новое обращение к истории Гумбинненской операции 1944 г. состоялось на рубеже веков, когда появились статьи, монографии, излагающие более современные взгляды на ее подготовку, ведение и оценку результатов сражения [см., напр.: 15—17].

Не вдаваясь в содержательные подробности событий, остановимся только на одном эпизоде Гумбинненского сражения. В начале 20-х чисел октября войска 11-й гвардейской армии и 2-го гвардейского танкового корпуса прорвались к окраинам Гумбиннена. Соединения соседних 31-й и 5-й армий отстали от гвардейцев, ушедших вперед, и в оперативном отношении образовался выступ, который немецкие войска должны были как бы «срезать», нанеся удар у его основания по сходящимся направлениям в районе Вальтеркемена (ныне пос. Ольховатка Гусевского района). Немецкому командованию удалось сосредоточить для этого крупные танковые и мотопехотные части. Бронетанковые «клещи» постепенно сжимались, гвардейцы могли оказаться в окружении, но сумели выстоять. «Клещи» не сомкнулись. Галицкий сообщает, что решением Ставки ВГК гвардейская армия и гвардейский танковый корпус получили команду перейти к обороне, отойдя при этом на 15—18 км на восток. Отход прошел организовано, войска заняли заданный рубеж по реке Роминте [10, с. 170—174].

Между тем Диккерт и Гроссманн, наоборот, утверждают, что «клещи сомкнулись. Яростные попытки русских прорваться и их отвлекающие атаки были отбиты, и большая часть противника была уничтожена» [5, S. 68].

Эти утверждения поддерживает генерал-майор Э. Бутлар в очерке «Война в России»: «...войскам 4-й армии удалось путем контратак против открытых флангов русского клина отрезать значительную часть сил противника, вышедших к реке Ангерапп, уничтожить их и вернуть Гольдап» [18, с. 29].

Следует отметить, что немецкий штабист генерал К. Типпельскирх ничего не говорит о так называемых «сомкнутых танковых

клевцах» под Гумбинненом: «Контратаками против флангов вбитого клина к 27 октября была уничтожена значительная часть прорвавшегося до реки Анграпп сил противника и закрыта образовавшаяся здесь брешь...» [19, с. 180]. В этом предложении немецкий генерал не сообщает каких-либо конкретных данных, ограничившись терминами неопределенного порядка: «контратаки» (сколько, какими силами, где?), «значительная часть сил» и всё. Но о том, что было сомкнуто кольцо окружения под Вальтеркеменом, Типпельскирх не пишет.

Немецким войскам действительно удалось добиться успеха, но этот успех заключался только в замедлении продвижения советских войск на Гумбинненском направлении. Данный факт у немецких авторов документального подтверждения не нашел. Учитывая, что до коллапса 1945 г. было еще далеко, документы об этом сражении у немецкого командования должны были сохраниться. Но ни в книге Диккерта и Гроссмманна, ни в других мемуарах они не использовались, а если и использовались, то о них не сообщалось, следовательно, можно предположить, что фактическая сторона сражения немецкими авторами представлялась так, как это было необходимо им.

Попытки описания событий только на личных впечатлениях, или на воспоминаниях других участников событий, по сути, цензурированное использование документальных свидетельств, не создают адекватной картины происшедшего.

Отличительной особенностью Гумбинненского сражения стало применение крупных масс бронетанковой техники, особенно в районе Вальтеркемена. В этом плане примечательным является тиражируемый после войны в немецкой литературе метод определения численности советской бронетехники, участвовавшей в боях при прорыве в Восточную Пруссию. Он был сформулирован, по-видимому, К. Типпельскирхом. В цитированном уже издании он пишет: «Между Неманом и Августовом... русские... оставили на поле боя около 1000 уничтоженных танков и свыше 300 орудий» [там же]. Обращают на себя внимание очередные неопределенности, обобщения, выраженные словами «около», «свыше».

Эти же цифры присутствуют у Э. Бутлара, но контекст иной. Если Типпельскирх определяет географические пределы противостояния советских и немецких сил на достаточно широком фронте, то

Бутлар локализует событие в районе реки Анграппа: «...войскам 4-й армии (немецкой. — Г. К.) удалось путем контратак против открытых флангов русского клина отрезать значительную часть сил противника, вышедших к реке Ангерапп, уничтожить их и вернуть Гольдап. В этих боях было уничтожено около 1000 танков и до 300 орудий противника» [18, с. 249]. Здесь обращают на себя внимание временные несоответствия происходившего. Советские войска уже завершили начатую ими операцию, перешли к обороне. Только через неделю после этого немцам удалось вернуть Гольдап. И еще: у Типпельскирха сообщается о советских потерях — «свыше 300 орудий», у Бутлара — «до 300 орудий».

Естественно, требовать от немецких генералов данных о потерях советских войск с точностью до единицы техники, по меньшей мере, нелогично. Однако совпадение цифр у обоих без указания источника и произвольное округление цифр наводит на мысль об определенной заданности излагаемого материала. Об этом писал еще К. Н. Галицкий, удивлявшийся тому, что 3-й Белорусский фронт имел всего 688 танков, а потерял, по мнению немецких генералов, «около 1000» [10, с. 174].

Впрочем, генерал Галицкий не пишет о потерях танков советскими войсками в Гумбинненском сражении. В какой-то степени это обстоятельство, в контексте с общим критичным подходом многих исследователей к оценке потерь личного состава и боевой техники войск 3-го Белорусского фронта, вызывает сомнение в достоверности приводимых советскими военачальниками сведений [15, с. 171—172].

Между тем архивные документы сообщают действительно о крупных потерях советских войск в бронетехнике. Учитывая, что во второй половине октября 1944 г. в ходе Гумбинненского сражения на ограниченном участке местности в Восточной Пруссии (примерно 100×20—30 км) произошло массированное применение танков и САУ с обеих сторон, крупные потери были ожидаемы.

В подготовленном уже после окончания войны отчетном документе о потерях танков сообщается общая цифра потерь с 16 по 27 октября 1944 г.: всего 663 танка, в том числе сгорело 344, подбито 267, подорвалось на минах 46, уничтожено средствами авиации 6. В примечании к документу указано: «Безвозвратные потери приведены в графе "сгорело". Остальные потери восстановлены или подлежат восстановлению» [20, л. 92].

Современные исследователи с недоверием относятся к системе технического обслуживания и ремонта бронетехники Красной армии на поле боя [15, с. 160].

Однако эффективность действий войсковых ремонтных органов действительно была исключительно высокой. Они продвигались непосредственно за боевыми порядками войск, работали под огнем противника и в течение 3—5 часов могли восстановить значительную часть поврежденной техники, требовавшей текущего ремонта [21, с. 328]. Кроме того, танк считался, например, подбитым, если у него была перебита гусеничная лента. Этот случай вносился в актив артиллеристов, танкистов или саперов противника. Но чаще всего экипаж машины мог устранить такую неисправность (замена трака или пальца гусеничной ленты) своими силами в течение 1—1,5 часов, и танк снова принимал участие в бою, хотя и числился в победном активе противника.

Комментируя приведенную выше Справку о потерях танков в Гумбинненском сражении, следует заметить, что простое арифметическое сложение при оценке численности потерь и общей численности танков в 3-м Белорусском фронте не применимо. Поэтому следует считать, что потери фронта в танках в операции составили 344 машины. Послевоенная справка нашла свое подтверждение в другом документе, подготовленном в ходе Гумбинненского сражения.

По данным Оперативного управления, в войсках 3-го Белорусского фронта насчитывалось 634 танка, в том числе КВ — 62 единицы, легких — 24. Подготовка операции завершалась, шло доукомплектование войск боевой техникой, поэтому перед началом операции, по Галицкому, количество танков достигло 688. После прорыва полевого оборонительного рубежа немцев (20 октября) советские войска понесли потери, в том числе и в танках, количество которых сократилось до 518 единиц. Потери составили 170 боевых машин.

По данным на 29 октября, уже после завершения операции в танковых войсках фронта насчитывалось 487 боевых машин, в том числе 152 танка, которые уже прибывали в качестве пополнения на фронт. Таким образом, после окончания операции было 335 танков [там же, л. 12]. Потери танков в войсках 3-го Белорусского фронта непосредственно в период прорыва к Гумбиннену составили: $518 - 335 = 183$ танка. Всего в Гумбинненской операции было потеряно $340 - 350$ танков.

Оперативные данные непосредственно периода военных действий и данные послевоенные советского военного командования практически совпадают, но не подтверждают сообщения немецких генералов Типпельскирха и Бутлара.

Список источников и литературы

1. *Центральный архив* Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 16 (3-е Белорусское направление Оперативного управления ГШ Красной армии). Оп. 1074. Д. 9. Л. 88—99.
2. *Лиддел Гарт Б.* Вторая мировая война. Очерк / пер. с англ. В. В. Борисова [и др.]; под ред. и с предисл. О. А. Ржешевского. М., 1976.
3. *Sawicki T.* Pierwsza bitwa o Prusu Wschodnie (październik 1944). Warszawa. 1989. Т. 34, z. 2. S. 35—42.
4. *Gajownik T., Maroń E.* Utracony bastion (Prusy Wschodnie w latach 1918—1045) // *Wielkie wojny w Prusach: działania militarne między Wisłą a Niemnam na przestrzeni wieków.* Praca zbiorowa pod redakcją W. Gieszczyński; N. Kasperek. Dąbrówno : Retman, 2010.
5. *Dieckert K., Grossmann H.* Der Kampf um Ostpreussen. Stuttgart, 1976.
6. *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. Смоленск, 1999.
7. *Мерцалов А. Н.* Западногерманская буржуазная историография Второй мировой войны. М., 1978.
8. *Ржешевский О. А.* Война и история. М., 1976.
9. *Алексеев М.* Начало боев в Восточной Пруссии // *Военно-исторический журнал.* 1964. № 10.
10. *Галицкий К. Н.* В боях за Восточную Пруссию. Записки командующего 11-й гвардейской армией. М., 1970.
11. *Григоренко М. Г.* И крепость пала... Калининград, 1989.
12. *Василевский А. М.* Восточно-Прусская операция // *Военно-исторический журнал.* 1969. № 3.
13. *Россия и СССР в войнах XX века : стат. иссл.* М., 2001.
14. *Падение прусской цитадели* // *Военно-исторический журнал.* 2004. № 4.
15. *Гольчиков С. А.* Последняя осень Восточной Пруссии (осень-зима 1944 года). Калининград, 2012.
16. *Егоров В. Г., Кретинин Г. В.* Гумбинненская (1944) фронтовая и Восточно-Пруская стратегическая наступательные операции // *Северо-Запад России в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945.* СПб., 2005. С. 290—313.
17. *Егоров В. Г., Кретинин Г. В.* Гумбинненский прорыв в 1944 г. // *Балтийский флот: история, традиции, современность: Военно-морской альманах.* Калининград, 2006. С. 84—95.

18. *Бутлар Э.* Война в России // Мировая война: 1939—1945. М., 1957.

19. *Титтельскирх К.* История второй мировой войны. Т. 2 : Полигон. СПб., 1994.

20. *Справка* о потерях танков 3-го Белорусского фронта по операциям: 1. Операция по вторжению в Восточную Пруссию (16—27.10. 1944). 28. 05. 1945 // Центральный архив Министерства обороны Ф. 241 Оперативное управление штаба 3-го Белорусского фронта. Оп. 2593. Д. 854 Документы по учету потерь войск фронта. Л. 92.

21. *Строительство* и боевое применение советских танковых войск в годы Великой Отечественной войны. М., 1979.

Об авторе

Геннадий Викторович Кретинин — д-р ист. наук, проф. кафедры истории, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград; руководитель Балтийского регионального информационно-аналитического центра РИСИ, действительный член Академии военных наук РФ.

E-mail: baltrisi@baltnet.ru